

Теория перевода

В.А.Вернигорова (Россия)

ОСМЫСЛЕНИЕ РЕАЛИИ В ПОДЛИННИКЕ И ПЕРЕВОДЕ¹

В лингвистике и переводоведении «реалиями» принято называть слова, обозначающие предметы и понятия материальной культуры. Само слово «реалия» происходит от латинского прилагательного среднего рода множественного числа – *realis*, -e, мн. *realia* – «действительный», «вещественный», «истинный». Согласно словарным определениям, это «предмет, вещь, а также факт, социальный процесс или явление, существующие в реальной жизни» [БСЭ 1970-1977], «единичный предмет» [Ожегов 1973], «предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи и обряды, а также факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках» [Ефремова 2006], «предмет, явление или понятие, характерное для уклада жизни, культуры того или иного народа или эпохи» [КЛЭ 1960-1966].

Таким образом, реалия, хоть и связана большей частью с художественной литературой, обладает большим сходством с термином, но в то же время может быть отнесена к безэквивалентной лексике, тогда как термины, как правило, являются переводимыми эквивалентами, то есть имеют полное языковое покрытие в языке перевода. Важной чертой реалий Г.В.Чернов называл их «общеупотребительность» и «широкое вхождение в общенародный язык». [Чернов 1958: 226-227]. Многие теоретики перевода, говоря о реалиях, дают приблизительные, неполные определения этому термину, отмечая лишь те или иные его признаки. Одни полагают, что к реалиям относятся только чужие реалии, другие толкуют реалии непомерно широко, в результате чего отсутствует четкость в терминологии, употребляемой переводчиками и теоретиками перевода, лингвистами и лингвострановедами в отношении этого понятия. Однако совершенно ясно одно: «реалия теснейшим образом связана с внеязыковой действительностью» [Влахов, Флорин 1980: 16]. Называя предметы, понятия, явления культуры и истории какой-либо страны, реалия тем не менее не отражает

¹ Исследование осуществлено при поддержке Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ-ВШЭ).

внеязыковой фон – временной отрезок, для которого она была характерна, а ведь именно этот самый внеязыковой фон и должен быть надлежащим образом выражен в тексте перевода.

Проблема перевода реалий в целом и отражения внеязыковой действительности текста при помощи реалий в частности – одна из самых актуальных проблем в теории перевода, и ее в той или иной степени рассматривали все теоретики перевода. Одни называли реалии «локализмами» и «этнографизмами» [Финкель 1962: 112], другие употребляли в отношении реалии термин «лакуна» [Malblanc 1961], или «пробел» («когда ситуации, обычные для культуры одного народа, не наблюдаются в другой культуре» [Ревзин 1964: 184]), третьи предлагали называть безэквивалентные лексические единицы «алиенизмами» и «экзотизмами» [Берков 1973]. Известные теоретики перевода С.Влахов и С.Флорин, в свою очередь, настаивали на термине «реалия» и понимали под этим термином «слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому». По их мнению, реалии, «будучи носителями национального и/или исторического колорита, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не поддаются переводу “на общих основаниях”, требуя особого подхода» [Влахов, Флорин 1980: 47].

Но каковы бы ни были расхождения в терминологии, все теоретики перевода единодушно пришли к выводу, что при переводе так называемой «безэквивалентной лексики», или реалий, следует учитывать целый ряд страноведческих и культурологических аспектов и большинство таких слов нуждаются в комментариях со стороны переводчика. Более того, необходимо принять во внимание, что на основе временного критерия все реалии условно делятся на современные и исторические, то есть статус реалии не является постоянным качеством и со временем может измениться. Исторические реалии редко бывают оторваны от своего национального источника и потому, как правило, требуют более подробных толкований, чем реалии современные. Незнание переводчиком особенностей временных значений реалии приводит к искажению описываемой в тексте действительности как в восприятии самого переводчика, так и в восприятии читателя.

Пополнение лексики какого-либо языка собственными и чужими реалиями – практически непрерывный процесс, обусловленный политико-историческими событиями в мире и возникновением новых культурных течений. А в настоящее время, в эпоху Интернета и телевидения, в эпоху глобализации и всеобщей мобильности, этот процесс ускорился во много

раз. Немало чужих реалий проникает в язык и через переводы художественной литературы. И если переводчики «старой школы» старались по максимуму адаптировать чужие реалии к языку перевода, подобрать к ним эквиваленты, то современная тенденция перевода реалий заключается в их транскрибировании – то есть в условной передаче звучания и фонемной структуры слов.

Проникнув в язык, реалии либо приживаются в нем, популяризируются и утрачивают свой национальный и исторический колорит, либо исчезают без следа. Прижившиеся реалии довольно быстро становятся частью лексики языка и попадают в словари. Так называемые «модные» реалии – слова, употребляемые в контексте какой-либо субкультуры, как правило, не успевают попасть в словари, но остаются зафиксированными в художественной и публицистической литературе.

С.Влахов и С.Флорин также упоминали «эпизодические» реалии – внесловарные реалии, которые переводчики, в зависимости от требований контекста, однократно или многократно вводят в текст перевода, но которые не получают распространения, не закрепляются в языке и, следовательно, не фиксируются в словарях [Влахов, Флорин 1980: 79].

Среди теоретиков перевода бытует мнение о том, что реалия – по сути своей – непереводаема, а потому понятие перевода реалий условно. Известный чешский ученый и теоретик перевода Иржи Левый в своем исследовании «Искусство перевода» даже называл реалии «*crucis translato-gum*» – крестными муками переводческими [Левый 1974: 149]. И тем не менее «нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык хотя бы описательно, то есть распространенным сочетанием слов данного языка» [Федоров 1983: 182].

Таким образом, основными трудностями при переводе реалий с одного языка на другой являются отсутствие в языке перевода эквивалентного слова в связи с отсутствием у носителей языка перевода эквивалентного объекта (объекта, обозначаемого реалией в исходном языке) и необходимость передать не только семантическое (предметное) значение реалии, но и ее национальный и исторический колорит.

К важным моментам, которые переводчик не должен упускать из виду, относятся такие обстоятельства перевода, как место, подача и осмысление незнакомой реалии в подлиннике. Незнакомой можно считать любую чуждую языку перевода реалию, характерную для быта того или иного народа, для той или иной исторической эпохи. Такие непонятные или малознакомые читателю слова требуют грамотной подачи в переводе. С одной стороны, задача переводчика заключается в том, чтобы передать реалию наиболее простым для читательского восприятия образом. С дру-

гой – необходимо обязательно сохранить национальный и исторический колорит слова, и в то же время не переусердствовать и не превратить реалию в экзотизм.

По мнению С.Влахова и С.Флорина, «наиболее удачным нужно считать такое введение в текст незнакомой реалии, которое обеспечило бы ее вполне естественное, непринужденное восприятие читателем без применения со стороны автора особых средств ее осмысления» [Влахов, Флорин 1980: 81]. При этом реалии, которые знакомы читателям из литературы и средств массовой информации, как правило, никаких объяснений не требуют. Это касается таких общеизвестных слов-реалий, как «коррида», «гондола», «сомbrero», «текила» и т.д. В качестве свежего примера, когда национальная реалия входит во всеобщее употребление, можно привести южноафриканское слово «вувузела», обозначающее музыкальный инструмент. Этот рожок, используемый в ЮАР во время футбольных матчей, буквально за считанные часы вошел в лексикон болельщиков и просто поклонников футбола во всем мире: и все благодаря чемпионату мира по футболу, который в 2010-м году проходил именно в Южной Африке.

Конечно, современные средства массовой коммуникации, электронные справочники и базы данных значительно облегчили жизнь как переводчикам, так и читателям. Практически любой человек сейчас, услышав незнакомое слово, имеет возможность обратиться, например, к веб-энциклопедии «Википедия» (<www.wikipedia.org>), открыть онлайн-словарь или просто ввести нужное слово в любую доступную поисковую систему. Однако переводчику ни в коем случае не следует ориентироваться на интернациональность реалий и уповать на электронную грамотность и «продвинутость» читателей, поэтому при столкновении в процессе перевода даже с, казалось бы, хорошо знакомой реалией необходимо тщательно проверить, существует ли такое слово в языке перевода, соответствует ли оно по значению переводимому в исходном языке и каковы его зафиксированные фонетический и графический облик в языке перевода.

Не всегда требуют объяснения и так называемые региональные реалии, обозначающие объекты и предметы, характерные для быта и культуры того или иного народа. В случае с такими реалиями переводчик вправе рассчитывать на контекстуальное осмысление реалии читателем: на то, что читатель сможет понять значение незнакомого слова благодаря контексту и никакой дополнительной комментарий со стороны переводчика не потребуются. Но здесь существует риск переоценить фоновые знания читателя. К тому же совершенно очевидно, что человек, читающий текст в подлиннике, находится в куда более выгодном положении, чем читатель перевода. Любая неточность перевода может привести к тому, что чита-

тель просто-напросто будет не в состоянии осмыслить значение незнакомого слова или же неправильно его истолкует. Именно поэтому каждый отдельный случай перевода реалии требует индивидуального и тщательно продуманного подхода: лучше снабдить реалию небольшой сноской внизу страницы, объясняющей ее содержание, чем надеяться на эрудированность и любознательность читателя. Объяснение же реалий в глоссариях в конце книги отрывает читателя от повествования, заставляет его листать книгу в поиске нужного комментария и в целом затрудняет восприятие текста.

Итак, вопрос осмысления и передачи реалий, несомненно, крайне важен для переводчика. И в случае если та или иная реалия совершенно незнакома читателю или, возможно, является новой и прежде не подвергалась переводу, переводчику необходимо будет выбрать прием передачи такой реалии в языке перевода.

Приемы передачи реалий можно свести к двум: собственно переводу и практической транскрипции. Эти два понятия, по словам известного российского лингвиста А.А.Реформатского, «могут быть друг другу противопоставлены, так как они по-разному осуществляют формулу Гердера: “Надо сохранять своеобразие чужого языка и норму родного”, а именно: 1) перевод стремится “чужое” максимально сделать “своим”; 2) транскрипция стремится сохранить “чужое” через средства “своего”. Таким образом, в плане практическом перевод и транскрипция должны рассматриваться как антиподы» [Реформатский 1972: 312].

Термин «практическая транскрипция» был введен российским лингвистом и переводчиком А.М.Сухотиным в 1935-м году и обозначает запись иноязычных имен и названий с использованием орфографических средств языка перевода, а также способ включения слов одного языка в текст другого с условным сохранением фонетического облика таких слов. Практическую транскрипцию не следует путать с фонетической транскрипцией (основанной на как можно более точной передаче звучания) и транслитерацией (определяемой только исходным написанием). В отличие от фонетической транскрипции и транслитерации, практическая транскрипция использует обычные буквы языка перевода. Иными словами, транскрипция реалии предполагает ее механическое перенесение из исходного языка в язык перевода при помощи графических средств языка перевода и с максимальным сохранением ее оригинальной фонетической формы.

Во многих случаях применение транскрипции является единственно возможным способом передачи реалии, однако не следует принимать это утверждение ни за правило, ни за рекомендацию, ведь транскрибирован-

ная, а не переведенная реалия может существенно ухудшить качество перевода и затруднить читателя.

Собственно перевод – интерпретация смысла текста на исходном языке и создание эквивалентного текста на языке перевода – применяется преимущественно в тех случаях, когда транскрипция нежелательна или невозможна. При переводе, как правило, используются следующие приемы передачи реалии: введение неологизма, приблизительный перевод и контекстуальный перевод.

Введение неологизма означает создание нового слова или словосочетания, которое позволяет сохранить содержание и колорит переводимой реалии. Такими новыми словами могут быть кальки («заимствование путем буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота» [Ахманова 1966]; например, «небоскреб» – калька от английского слова «skyscraper») и полукальки (частичные заимствования, «состоящие частью из собственного материала, а частью из материала иноязычного слова» [Шанский 1972: 110]; русскую реалию «декабрист» англичане, к примеру, передают как «Decembrist»). Нужно заметить, что прием перевода реалий неологизмами хоть и является крайне интересным и творческим занятием, но все же наименее употребителен и в достаточной степени сложен. Самым ярким современным примером перевода реалий неологизмами можно считать переводы на различные языки английской серии книг-бестселлеров про волшебника Гарри Поттера, изобилующих реалиями-неологизмами, придуманными автором книг – писательницей Джоан Роулинг.

Приблизительный перевод реалий – наиболее часто применяемый переводчиками прием. Обычно этот прием позволяет довольно точно передать предметное содержание реалии, но национальный и исторический колорит слов почти всегда теряется. То же самое происходит и в случае контекстуального перевода: содержание реалии передается при помощи адаптированного переводчиком контекста, но сама по себе реалия исчезает. То есть у каждого из применяемых способов перевода реалий есть недостатки, и невозможно рекомендовать ни один из них как «универсальный». Следовательно, перед переводчиком стоит непростая задача – решить в каждом конкретном случае, какой именно прием передачи реалии необходимо выбрать для максимально адекватного и точного перевода. И в самом деле, что же, какое из двух «зол» следует предпочесть в том или ином случае – транскрипцию или перевод? Что позволит наиболее точно передать содержание реалии и ее колорит?.. Переводчики десятилетиями задаются этими вопросами, но однозначного ответа так и нет: слишком от многих факторов зависит выбор приема передачи реалии – от характера текста, от характера реалии, от ее значимости и значения, от языковых

возможностей и традиций исходного языка и языка перевода и, наконец, от читателя перевода, на которого ориентирован текст.

Характер оригинального текста подразумевает тот или иной жанр, и именно от жанровых особенностей литературы в этом случае будет зависеть выбор приема передачи реалии. Так, термин (реалия научного текста) должен переводиться термином, а реалии, встречающиеся в художественной и публицистической литературе, как правило, транскрибируются и часто требуют пояснения со стороны переводчика. Многие теоретики перевода считают, что транскрипция воспринимается гораздо легче в описательных и повествовательных текстах, тогда как при переводе прямой речи чаще всего следует выбирать перевод как способ передачи реалии.

Решающим фактором при выборе между транскрипцией и переводом может также являться контекстуальная значимость реалии, ее колоритность – то есть то, является ли эта реалия ярким акцентом в тексте или незначительной деталью. Переводить чужие для подлинника реалии транскрипцией значительно проще, чем транскрибировать так называемые «свои» слова. Чужая реалия выделяется из своего окружения и, как правило, тем или иным образом истолкована автором подлинника, тогда как своя реалия составляет с контекстом единое целое: она не выделяется из общего лексического окружения и, значит, не привлекает к себе внимания. Но для языка перевода такая «своя» реалия будет чужой и, следовательно, неизбежно будет выделяться в переведенном тексте. При попытке же передать такую реалию с помощью отличных от транскрипции средств перевода теряется характерная окраска такого слова – его национальный и исторический колорит. Еще одно несомненное достоинство транскрипции заключается в том, что этот прием позволяет передать реалию максимально кратко, без необходимости трансформировать контекст. Иными словами, транскрипция в большинстве случаев все же является меньшим злом, но как часто переводчики, стремясь передать колорит и выбирая транскрипцию, пренебрегают смысловым содержанием реалии! Не стоит забывать и о необходимости соблюдения меры в количестве транскрибируемых реалий в рамках одного текста: перегруженный реалиями текст тяжело воспринимается читателем.

Можно сказать, что чаще всего транскрибируются словарные, знакомые читателю реалии – то есть реалии, которые в большинстве случаев не требуют пояснения. А.В.Федоров замечал, что русские переводчики стараются «избегать транслитерированных обозначений иностранных реалий, кроме как ставших уже привычными» [Федоров 1983: 184-185]. Очень многое зависит и от языковых традиций языка перевода. В разных языках наблюдается разное отношение к иностранным заимствованиям.

Английский язык, например, достаточно легко осваивает восточные и даже славянские реалии, а немцы предпочитают переводить даже общепринятые международные термины (такие, как «телефон» («Fernsprecher») и «телевидение» («Fernsehen»)).

При выборе приема передачи реалии следует учитывать и то, на кого ориентирован переводимый текст. Совершенно очевидно, что задача автора подлинника и переводчика заключается в том, чтобы тот или иной текст был понятен и интересен читателю. Если транскрибированная реалья была непонятна читателю – коммуникативная цель перевода не достигнута. Если эта реалья передана другими средствами, в результате чего утрачен ее колорит, – коммуникативная цель перевода снова не была достигнута. Пытаясь нащупать «золотую середину», некоторые переводчики переводят реалии реалиями, забывая (или не зная) о том, что правило «термин переводится термином» неприменимо в случае с безэквивалентной лексикой. Объясняется это просто: в отличие от реалий, термины не обладают ни эмоциональной окраской, ни национальным колоритом, что позволяет им претендовать на полные языковые эквиваленты.

Ясно одно: ни один переводчик не сможет перевести реалью, опираясь лишь на теоретические знания о переводе. Для того чтобы грамотно и точно выполнить перевод той или иной реалии, необходимо обладать высокой языковой и теоретической компетенцией, опытом перевода аналогичных текстов, богатыми фоновыми и контекстуальными знаниями, способностью осмыслить незнакомую реалью в подлиннике и, наконец, литературной одаренностью и писательским мастерством. Но во многих случаях и этих знаний и навыков будет недостаточно, и только особое «переводческое чутье», «переводческий инстинкт» могут спасти ситуацию.

Перевод – это искусство, и некоторые переводчики небезосновательно полагают, что переводчиком невозможно стать – им можно только родиться. Не всякий человек, умеющий писать, может стать писателем. Точно так же не всякий человек, владеющий иностранными языками и способный передать смысл текста с одного языка на другой, может считаться переводчиком. Навык осмысления иностранного текста и грамотной передачи его на другой язык не приходит вместе со знанием иностранного языка, а диплом переводчика не гарантирует высокое качество перевода. Ошибочно и представление о том, что главное для переводчика качество – это обширный словарный запас.

Мастерство переводчика заключается в том, чтобы остаться незаметным. Чтобы у читателя не было повода раскритиковать книгу, а вместе с ней – и переводчика, по вине которого тот или иной текст был неправильно осмыслен. Владимир Набоков в своей статье «Искусство перево-

да», посвященной сложностям художественного перевода, писал: «В причудливом мире словесных превращений существует три вида грехов. Первое и самое невинное зло – очевидные ошибки, допущенные по незнанию или непониманию. Это обычная человеческая слабость – и вполне прощательная. Следующий шаг в ад делает переводчик, сознательно пропускающий те слова и абзацы, в смысл которых он не потрудился вникнуть или же те, что, по его мнению, могут показаться непонятными или неприличными смутно воображаемому читателю. Он не брезгует самым поверхностным значением слова, которое к его услугам предоставляет словарь, или жертвует ученостью ради мнимой точности: он заранее готов знать меньше автора, считая при этом, что знает больше. Третье – и самое большое – зло в цепи грехопадений настигает переводчика, когда он принимается полировать и приглаживать шедевр, гнусно приукрашивая его, подлаживаясь к вкусам и предрассудкам читателей. За это преступление надо подвергать жесточайшим пыткам, как в средние века за плагиат» [Набоков 1999: 395]. И с этим сложно не согласиться.

ЛИТЕРАТУРА

Malblanc 1961 – *Malblanc A. Stylistique compare du francais et de l'allemand*. Paris, 1961.

Ахманова 1966 – *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966.

Берков 1973 – *Берков В.П.* Вопросы двуязычной лексикографии. Л.: Изд. ЛГУ, 1973.

БСЭ 1970-1977 – Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 1-26. М.: Сов. энциклопедия, 1970-1977.

Влахов, Флорин 1980 – *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. / Под ред. Вл. Россельса. М.: Международные отношения, 1980.

Ефремова 2006 – *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. Т. 1-3. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.

КЛЭ 1960-1966 – Краткая литературная энциклопедия. Т. 1-8. М.: Сов. энциклопедия, 1960-1966.

Левый 1974 – *Левый И.* Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974.

Набоков 1999 – *Набоков В.В.* Искусство перевода // Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1999.

Ожегов 1973 – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Изд. 10-е. М.: Сов. энциклопедия, 1973.

Ревзин 1964 – *Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю.* Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1964.

Реформатский 1972 – *Реформатский А.А.* Перевод или транскрипция? // Восточно-славянская ономастика. М.: Наука, 1972.

Федоров 1983 – *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983.

Финкель 1962 – *Финкель А.М.* Об автопереводе // Теория и критика перевода. Л.: Наука, 1962.

Чернов 1958 – *Чернов Г.В.* К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык // Ученые записки 1-го МГПИИЯ, т. XVI. М., 1958.

Шанский 1972 – *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972.